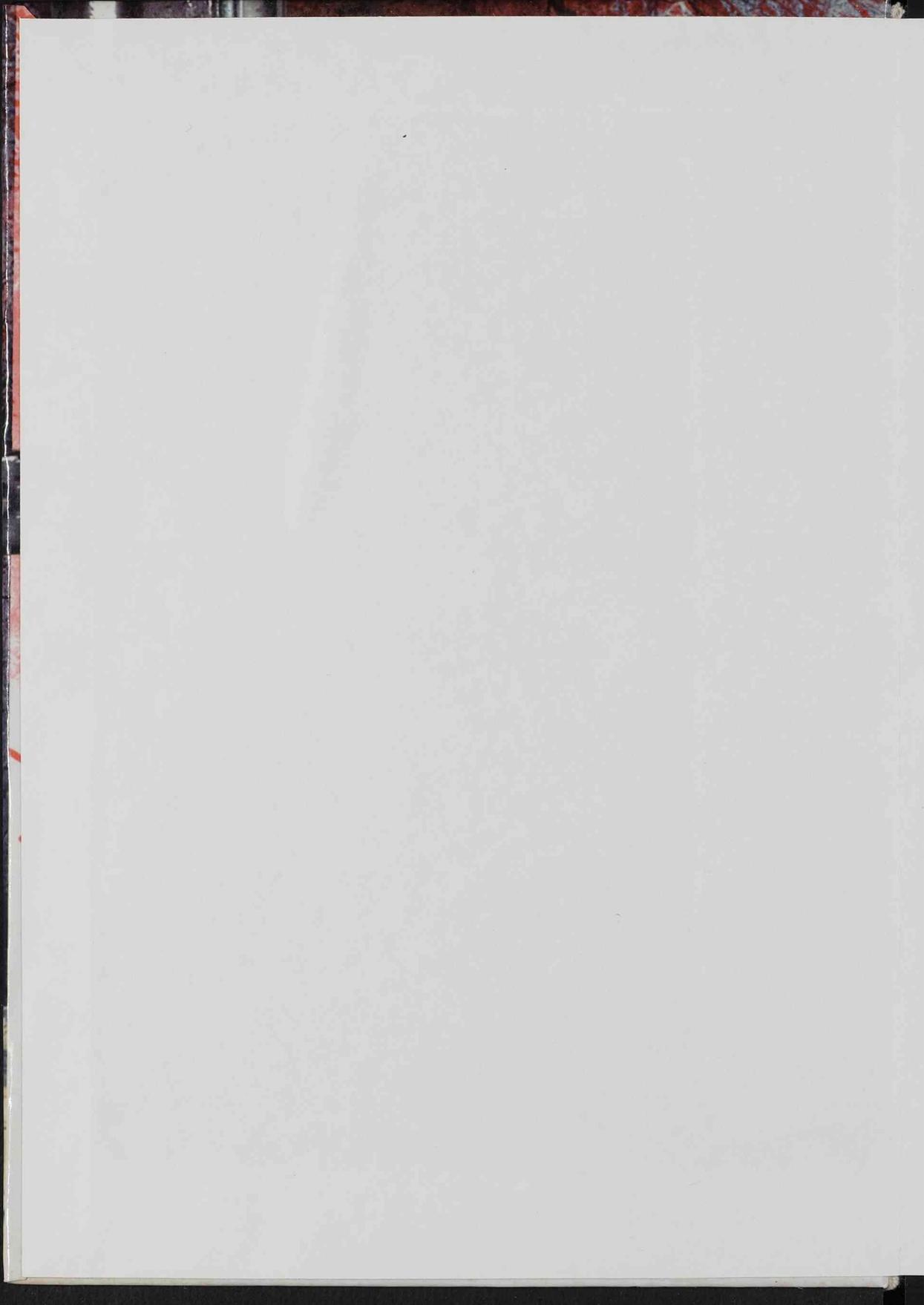
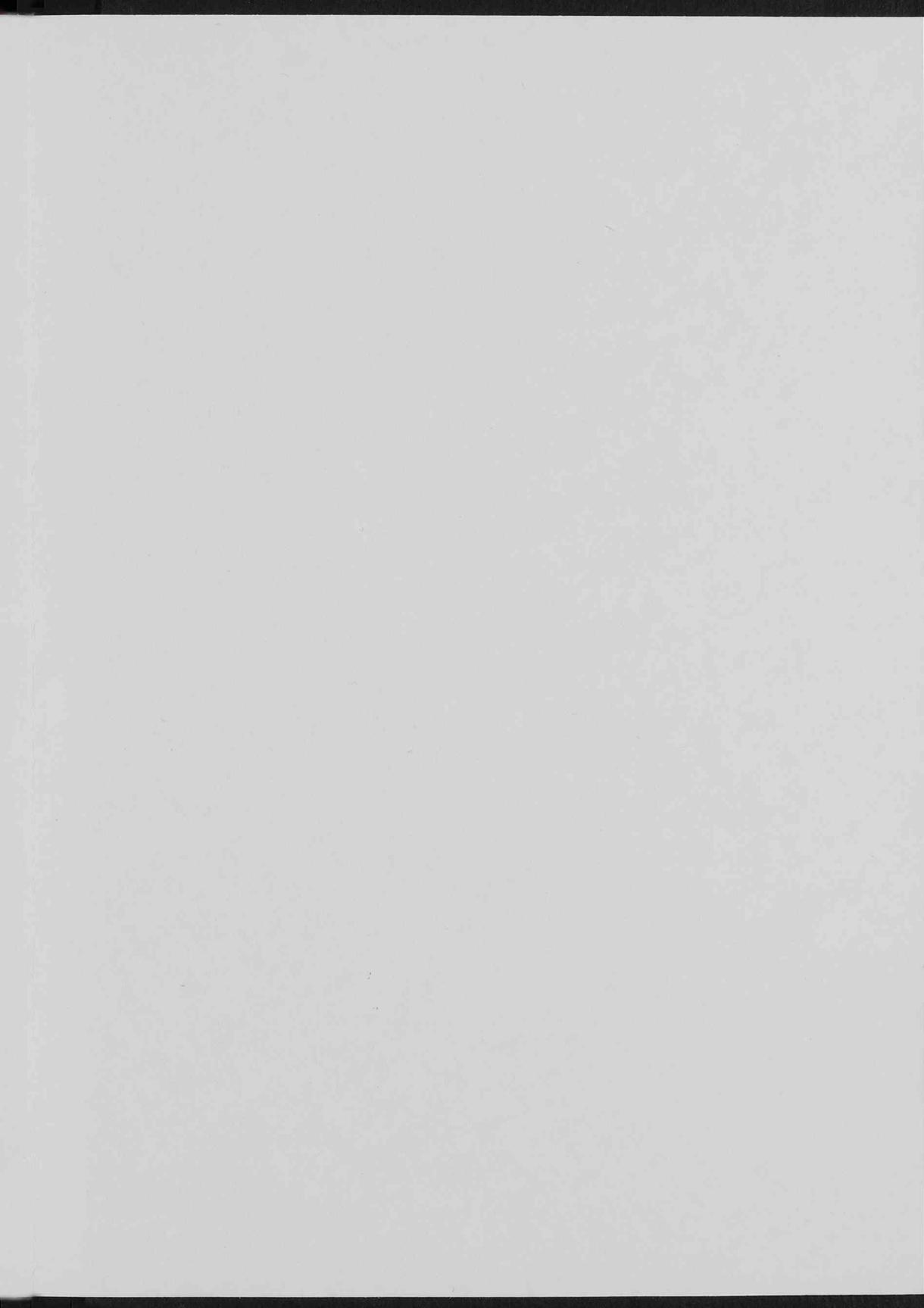

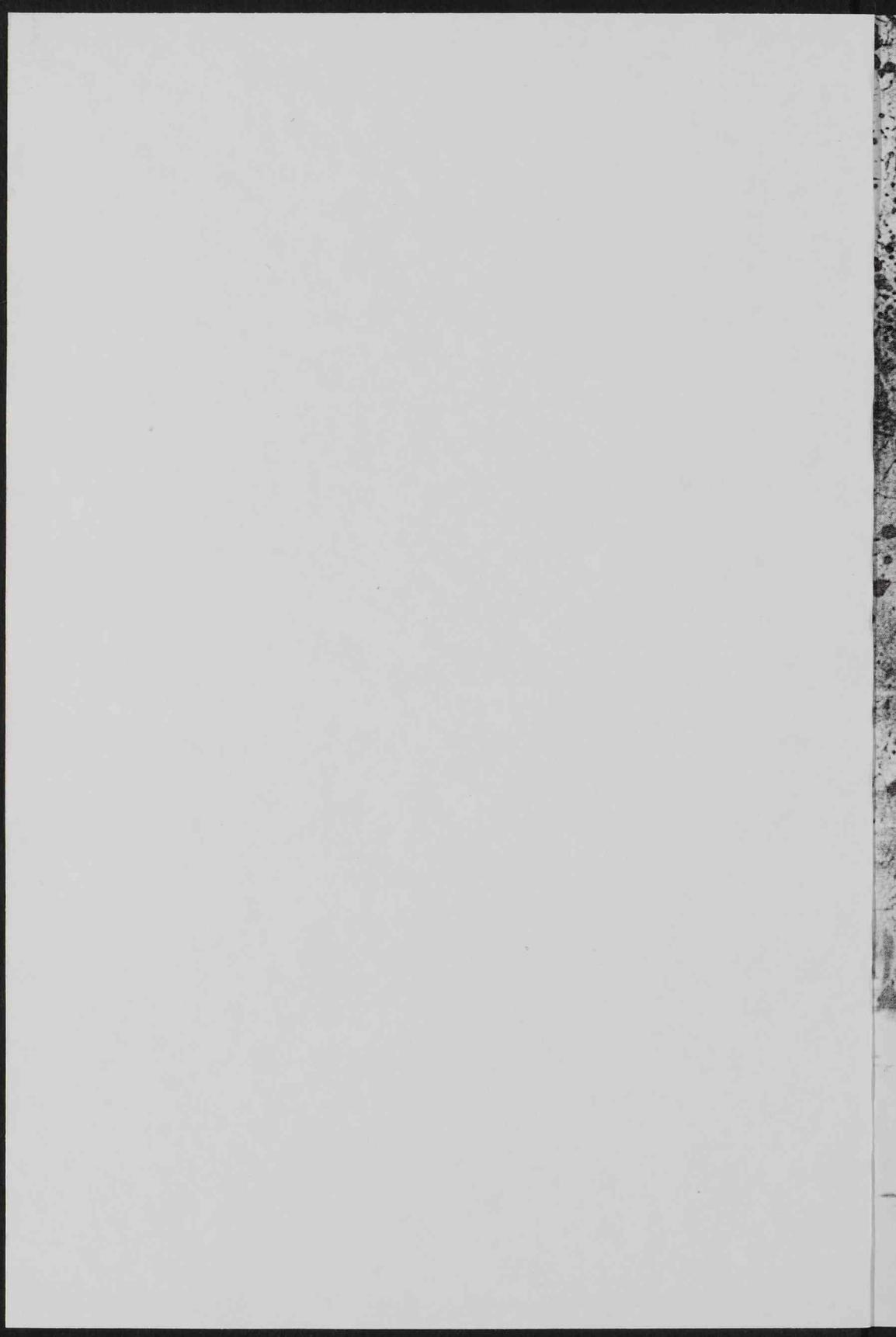
Олег Петров

СНЕГИРИ НА СНЕГУ

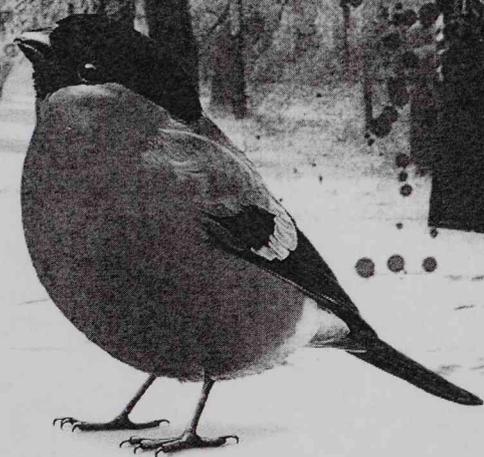

Олег Петров

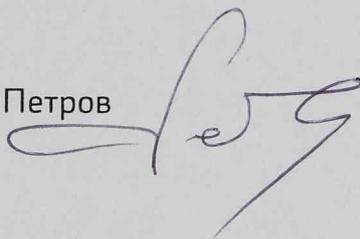
СНЕГИРИ НА СНЕГУ

Премия ФСР России 2013 года за лучшие произведения
литературы и искусства о деятельности органов
Федеральной службы безопасности

Олег Петров

СНЕГИРИ НА СНЕГУ

Военно-приключенческая повесть

Чита 2014

К 84+84(2=0ye)7

УДК 620.4

ББК 31г

П 21

П 30

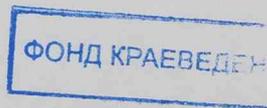
П 21 Петров О.Г.
Снегири на снегу. – Чита, 2014. – 200 стр.

В повести показана деятельность органов советской разведки накануне и во время Великой Отечественной войны, на оккупированной фашистами территории нашей Родины. И, пожалуй, впервые широкому читателю станут известны факты истинной роли преемника Колчака, атамана Семёнова, в создании, уже после окончания Гражданской войны, на территории Маньчжурии Русского фашистского союза, связи атамана с «отцом» нацистской «пятой колонны» в Латвии, будущим группенфюрером СС и военным преступником Р. Бангерскисом, который в годы Гражданской войны командовал дивизией у Колчака, а потом был командиром 1-го Забайкальского корпуса у Семёнова.

УДК 620.4

ББК 31г

© Петров О.Г., 2014

Глава 1. МЮНШЕ

Поле было ослепительно белым. У кромки леса, словно упершейся в блестящий снежный наст, выбежала вперед развернувшаяся веером ольха. Стайка птиц, весело гомоня среди полуденной тишины, суетливо теребила ольховые шишечки, щедро рассыпанные вокруг дерева на твердом настe.

Розовогрудый снегирь, клюнув несколько раз разломаченную шишечку, резко наклонил головку и, блестя выпуклым черным глазом, сделал быстрый, но опасливый шажок к алеющей на снежной корке бусине. Еще шажок, еще, и клюнул было уже, но испуганно отпрянул от алой ягодки, судорожно взмахнул крылышками, рванувшись вверх: приглушенный человеческий стон взметнул снегириную стайку в воздух.

Под ольхой лежал человек, рассыпав вокруг головы те самые, чуть дымящиеся на морозе алые бусины. Стон напугал птиц, и теперь они зорко поглядывали с самых верхних веток ольхи на распластавшуюся внизу черную фигуру.

Человек лежал неподвижно, лицом вниз, неестественно подвернув под себя левую руку. Правая – выброшена вперед, сжата в кулак, вокруг которого снежная корка чуть-чуть, едва заметно, подтаяла. Черный ватник без ремня, такие же ватные брюки, заправленные в бурые войлочные бахилы. Шапки не было. Давно нестриженные русые волосы от крови и снега смерзлись комками: рана на затылке кровоточила.

Снегири не видели, когда человек вышел из леса, но глубокая борозда-траншея его следов тянулась от кустов на опушке к ольхе – неровная, как ручей, обтекающий камни.

Человек не вышел к ольхе – подполз, проламывая снежный наст тяжестью тела, глубоко зарываясь в сыпучий поднастовый снег, шуршащий, как пшено, и обдирающий лицо и руки наждаком. У ольхи человек хотел было подняться, но силы изменили ему, оставили окончательно, и он тяжело рухнул в снег, а рана на голове снова закровоточила. Алая струйка нехотя ползла от затылка к левому уху и плотно впитывалась в белый, рафинадно искрящийся на ярком солнце снег.

Человек лежал неподвижно уже около часа. Снегири настороженно сидели на самой верхушке ольхи: редкий, тягучий человеческий стон пугал их, но заманчивая алость ягодок-бусинок на снегу манила.

Упершись буравчиками желтоватых глаз в серый, тщательно вычищенный от снега апель-плац, который ровным прямоугольником отделял бараки от двойного проволочного забора с белыми шпалочками изоляторов на столбах, унтерштурмфюрер СС Отто Мюнше в очередной раз проклинал тот день, когда, под Смоленском, он, кавалер бронзовой медали за боевые успехи во Франции, так безрассудно двинул свою танковую роту на позиции большевиков.

Да, Россия оказалась крепким орешком. Второй веселой французской прогулки не получилось. Даже апрельские сорок первого года операции против югославской армии – невинные перестрелки по сравнению с русской мясорубкой. Под Смоленском эти русские варвары в обмотках, обвешав себя черными бутылками с какой-то адской горючей смесью, бросались под танки, как одержимые.

Фанатики... Мюнше невольно поежился, вспомнив, как лихорадочно рвал затвор, извлекая из пулемета перекосившийся патрон, а на его командирский танк набегал огромный окровавленный человек в белой гимнастерке. О, майн Готт, Мюнше все-таки опередил русского медведя! Как это удалось, Отто не может сообразить до сегодняшнего дня.

Снова заныло под ложечкой от давно поселившегося внутри животного ужаса. Он заставил храброго оберштурмфюрера, командира третьей танковой роты второго танкового полка мотопехотной СС-дивизии «Рейх», бросить оставшиеся экипажи на поле боя и постыдно бежать. Впрочем, далеко тогда убежать не дали.

Пятясь, огрызаясь огнем из пушки, пятнистая коробка, в которой тонко визжал доселе храбрый танкист Отто Мюнше, успела лишь перевалить на обратный склон высоты, как ей преградил дальнейшее бегство тяжелый бронетранспортер начальника штаба полка штурмбанфюрера Герлиха.

Да... Если бы не Герлих, еще можно было бы, отдышавшись, что-то придумать, тем более, что уже четверть часа спустя командир полка штандартенфюрер СС фон Лаубе приказал атаку прекратить, отойти и перегруппироваться. Но тогда виновным в общей неудаче полка объявили его, Мюнше.

Собрав офицеров, фон Лаубе долго вопил, что из-за трусости одного ублюдка атака захлебнулась. Побагровев и брызгая слюной в лицо, рвал пуговицы на кожаном реглане Мюнше, добираясь до той самой бронзовой медали, красовавшейся на полевом кителе оберштурмфюрера... А потом был военно-полевой суд, понижение в звании на ступень и перевод в охранные части. Большая удача для Мюнше! С передовой

в тыл! Шкура целая, и всегда есть, чем поживиться, особенно при сортировке пленных!.. Часы, обручальные кольца – да мало ли чего... На передовой же, кроме Железного креста, – только деревянный.

Мюнше, конечно бы, переводом в охранные части не отделался: непозволительная роскошь для паникера в условиях военного времени. Но заседанию военно-полевого суда предшествовали медкомиссия и почти двухмесячное пребывание в «психушке» – отделении для помешанных госпиталя СС. Заключение докторов и спасло Отто жизнь: дескать, произошел в ходе боя у бравого танкиста сильный психический срыв. Хвала небесам, что признали вменяемым! А то вместо военно-полевого суда оказался бы Отто в концлагере для идиотов, среди скопища неполноценных, оскорбляющих своим присутствием на земле новый арийский порядок. Вменяемым признали с трудом. Да и то только потому, что он, Отто Мюнше, в свое время прошел обязательную для эсэсовцев антропологическую проверку: стопроцентный рейхдойче! Генофонд арийской нации!

Генофонд... Под минувшее Рождество – Мюнше криво и горько усмехается, – его служебная карьера даже пошла вверх: повысили в должности – перевели заместителем коменданта постоянного лагеря сюда, под Остбург.

Отто хмыкает уже вслух. Какая-то тупоголовая скотина из чинуш ВФХА – Главного административно-хозяйственного управления СС – или из умников имперского министерства восточных оккупированных территорий, не нашла лучшего названия для этого невзрачного городишки, носившего при большевиках имя какого-то их бонзы. Хотя... Остбург все-таки проще, чем это большевистское Кал-ин-нин-ск... Язык сломать можно от проклятых красно-еврейских названий. Свинское отродье! Из-за него он, Отто Мюнше, добровольно записавшийся на службу в октябре 1939 года в первую из сформированных дивизий усиления СС, ныне прозябает среди бараков и заборов, обвитых колючей проволокой.

Именно прозябает. Потому как ничем особенным от всего этого вонючего сброда разжиться так пока и не удалось. Полтора десятка скромненьких обручальных колец и дюжина дешевых наручных часов да пара медальонов, из которых Мюнше с омерзением выковырял клочки волос и фотокарточки со славянскими физиономиями. Хотя... Большинство самок выглядят довольно миловидно. Дикарки-славянки, увы, гораздо смазливее, чем доморощенные медхен и даже хваленые француженки. Это Отто знает точно – повидал. Но – зверьки! Добиться благосклонности невозможно. Только силой. Что за дикая страна?! Дикая и ледяная!

Вторую зиму мерзнет от жгучих славянских морозов Отто. Ему постоянно зябко даже у докрасна натопленного сборного чугунного обогревателя – последнего изобретения тыловых крыс. Впрочем, чего могут изобрести крысы?! Красть и тащить – в этом горазды. Красть и тащить... Вот и печка – Мюнше угрюмо уставился на порыжелые, покрытые окалиной бока обогревателя – русская. Как это?.. «Бур-жуй-ка»! А тыловые крысы выдают ее за чудо немецкой инженерной мысли! Такое же «чудо», как новый, непобедимый танк панцер-ваффен рейха Т-V, сорокапятитонная «Пантера»! Слямзили, умники, с трофейных русских танков и форму корпуса, и компоновку. Новый... Оказывается, у русских еще до Восточной кампании уже был их проклятый Т-34!

Мюнше вспомнил, как под Смоленском, после одного из кошмарных боев, они наконец-то смогли воочию увидеть эту машину. Изуродованную и обгорелую. Но и в таком виде русский танк поражал своей рациональной простотой, скосами брони, что, как правило, при ударе снаряда давало спасительный рикошет. Если не получалось сразу перебить стремительному русскому танку гусеницу или подкараулить его борт, – при этом еще надо было умудриться загнать снаряд меж гусеничными катками, – пиши, пропало! Сметет любое противотанковое орудие, а уж если первой ударит русская танковая пушка... Любое хваленое крупновское чудовище – готовый жестяной саркофаг для экипажа, хоть ты там его из самих Нибелунгов комплектуй!.. Мюнше слышал краем уха, что конструкторы фюрера создали новый танк с более мощной броней и орудием увеличенного калибра, которое может поспорить с русской танковой пушкой на большой дистанции... Может быть, и так, только никакая пушка и никакая броня уже никогда не вылят его, Отто. Теперь он – раб своего ужаса.

Потому часто, очень часто пробирает Отто мелкий, предательский озноб. Поздно ночью, вернувшись в очередной раз с проверки постов и опрокинув несколько пробок-стаканчиков мутного местного шнапсу, зажевывая сивушный дух розовым салом, Отто на мгновение признается самому себе, что не от славянского мороза стучит он зубами, а от страха, не покидающего его с тех самых сентябрьских смоленских деньков сорок первого года.

С этим страхом Мюнше ложится спать, проваливаясь в зыбкое полубабытье. С этим страхом Мюнше встает утром, живет очередной день. Чертов шнапс не помогает выспаться. Но утром Мюнше – другой. С утра и до вечера унтерштурмфюрер мстит большевикам за свой страх. Даже подчиненные боязливо, за глаза, называют Мюнше «Отто Смерть». Заключенных бывший СС-танкист расстреливает из своего «вальтера» за

малейшую провинность. Стреляет экономно: один патрон на недочеловека, но к вечеру нередко пуста и запасная обойма, торчащая из маленького кармашка на кобуре черной эрзац-кожи. Кстати, сверху за это не хвалят: рейху нужны рабочие руки.

Неэкономно поступает унтерштурмфюрер Мюнше. Сначала надо максимально рационально использовать на работах силы заключенного. Доход от переработки трупа зачастую столь ничтожен, что не покрывает расходы по его утилизации и стоимость использованного боеприпаса. Неэкономно. А рейх сегодня должен быть бережлив особенно: уйму средств поглощает Восточный фронт, велики траты на воздушное и морское противоборство с Англией, постоянные потери от тыловых бандитов и саботажников, особенно на оккупированных территориях... Когда бы Мюнше отстреливал комиссаров и евреев, а то – кого ни попадя. Нередко еще довольно сильные и крупные экземпляры рабочей скотины попадают в число его жертв. Чинуша из инспекции лагерей уже грозил замкоманданта выговором за самоуправство.

Но сегодня с утра Мюнше еще из штаба лагеря не выходил. Уже неделю он исполняет обязанности коменданта: толстяк Цорн валяется в госпитале со своими пропитыми почками и еще черт знает с чем. А сегодня прибывает высокое начальство. Вчера в лагере появился капитан Рексмайер из местного отделения абвера, зловеще известил: среди «гостей» будет представитель главного органа армейской разведки на оккупированных территориях – штаба абвера «Валли» – и самого адмирала Канариса.

Откровенно говоря, в СС недолюбливали этих наглецов-абверовцев, с их аристократическими замашками. Впрочем, недолюбливали – мягко сказано. Любой эсэсман из гестапо, крипо, СД или подразделений «Мертвая голова», охраняющих лагеря, при случае всегда рад подложить народцу сухопутного адмирала жирную свинью.

Однако, на этот раз думать приходилось не об этом, а о собственной заднице. Чуть больше суток назад, ночью, из лагеря бежали четверо русских.

Капитана Рексмайера Мюнше вчера не напрягал информацией об этом происшествии. Дело обычное, бывало такое и раньше. И заканчивалось для беглецов чаще одинаково: тренированные овчарки поисковой команды рвали в клочья глотки этим ублюдкам. Хотя на этот раз побег в полной степени не пресечен: вчера вечером группа шарфюрера Лемке троих беглецов схватила неподалеку от развилки шоссе, а вот четвертый – канул бесследно. Снег! Хлопья сыпались с неба в ночь побега, надежно скрывая следы.

В лагерь ребята Лемке приволокли живым только одного из беглецов – остальных с удовольствием пристрелили на месте: хорошего пса, твари, исполосовали самодельным ножом, на поисковиков – фанатики! – пытались наброситься. Ребята прикончили бы и третьего, но у Лемке хватило мозгов и благоразумия приволоочь полуживую скотину в лагерь. Однако эта сволочь, как воды в рот набрала: про четвертого беглеца, канувшего за снежной пеленой, не удалось выбить ни словечка.

Всю ночь Лемке с блокфюрером Зальцем и старшим лагерным капо Лыбенем, тупым увальнем из уголовников, которых освободил из местной тюрьмы занявший Калининск – Остбург батальон вермахта, обрабатывали в помещении лагерного карцера захваченного в лесу урода. Без толку. Под утро он харкнул Лыбеню в рожу сгустком крови, а вскоре отдал концы. Лемке хлестал капо по морде, орал, что, де, он, чистокровный ариец Лемке, почти сутки лазил по сугробам за сбежавшими тварями, не зная отдыха и горячей пищи, а тупой – хрясь, хрясь Лыбеня по роже! – русский медведь своими сапожищами и кулаками испортил все дело! Хрясь!

Лыбень, виновато помаргивал бесцветными редкими ресницами, монотонно бубнил, что, мол, герр шарфюрер сами приказали выбить из беглеца всю «правду-матку».

– Что... матка?.. – проклятые русские слова далеко не сразу, а то и не всегда доходили до Лемке, что ярило его еще больше. Он перетянул Лыбеня железным прутком, заменявшим стек, вдоль спины, хотел повторить, но тут в боксе появился Мюнше, которому уже доложили о неудачном финале допроса. Унтерштурмфюрер гаркнул на подчиненного и остервенело махнул рукой. Лемке до конца вытолкнул из себя многоэтажное ругательство, зло сплюнул Лыбеню на раздолбанные валенки:

– Пшел вон, свинья!

Капо с облегчением протиснулся в двери.

В наступившей тишине, нарушаемой тяжелым дыханием потного шарфюрера, Мюнше несколько секунд разглядывал тело на земляном полу, потом скользнул взглядом по напряженным физиономиям Лемке и Зальца и, ни слова не говоря, вышел наружу.

Поеживаясь, он вернулся в штабной барак, полез было в правую тумбу стола за бутылкой, но тут же намерение опрокинуть стаканчик шнапсу отставил, закурил и уставился в сереющее за окном небо. Так и просидел почти до приезда чертового Рексмайера с его новостями.

С какой-то спокойной злостью – да и не злостью, а привычной уже глухой ненавистью ко всему окружающему, думалось о том, что бесследно пропавший в лесу русский, скорее всего, уже окошел под какой-

нибудь елкой. Однако чинушам из инспекции лагерей, вонючим пронырам из гестапо и абвера абсолютно наплевать на это. Им – вынь и положь четвертый труп. Впрочем, Мюнше и сам понимал, что труп сдохшего русского поставит точку в истории с побегом. На то и свиньи за колючей проволокой, чтобы искать и использовать при удобном случае лазейку для бегства.

Формальное расследование обстоятельств побега закрутили сразу же. Виновные из ночного караула уже огребли взыскания. Но четвертого трупа нет! И, следовательно, нет оснований считать побег пресеченным.

С другой стороны, зря он, Мюнше, поднимает бурю в стакане. Ответить выговором за побег, вполне возможно, ему, как и.о. коменданта, придется. Но не по такому же пустячному поводу прется в лагерь высокая комиссия с абверовским бонзой. Да и хоть сам Канарис! У Мюнше – свое начальство, а оно под дудку серого адмирала не пляшет, несмотря на все его берлинское могущество. Хотя, дьявол их поймет, господ-командиров!

Конечно, психопат Лемке, если подвернется удобный случай, обязательно донесет приезжающему начальству: во всем виноват он, Мюнше. Лемке давно копает ему яму, мечтая об офицерском чине.

Отто отводит взгляд от плаца за окном, трет виски короткопальными, заросшими рыжеватыми волосами руками. Развернувшись всем корпусом назад, под жалобный скрежет описавшего полукруг кресла, переводит взгляд на висящий над креслом портрет фюрера, грозно глядящего вдаль с недавно выбеленной стены.

Машинально, в очередной раз прикинув, сколько висит таких портретных репродукций в разных штабах и прочих кабинетах рейха, Отто разглядывает фюрера – самого главного арийца на всем белом свете. И в очередной раз с раздражением закапывает упрямо всплывающую из глубины мозгов подлую мыслишку: гениальнейший вождь имперских народов как-то совсем не соответствует, несмотря на старание безвестного художника, образу пропагандируемой ведомством доктора Геббельса «белокурой бестии».

Хотя и он, Мюнше, внешне от идеала арийца далек. Но и он, Отто, вновь видит себя то на мрачноватой, гранитно-мраморной трибуне нюрнбергского имперского стадиона, над колыхающимися колоннами с упоением марширующих наци, то на обитом натуральной кожей заднем сиденье роскошного «хорьха», с номерными знаками и штандартом рейхсканцелярии на лакированном переднем крыле... А чаще – в шикарно убранной спальне старинного замка, где над пышущим жаром

камином тускло блестят скрещенные старинные мечи... И везде Отто представляется себе высоким блондином, а не рыжим коротышкой. Не сыном лавочника из берлинского предместья – лощеным аристократом с баронской приставкой «фон» к фамилии. Только в баронских грезах Отто почему-то не вальяжно цедит из пузатой рюмки драгоценный французский коньяк, а с глыканием льет его себе в горло, как вот этот мутный местный шнапс, хотя и из большого хрустального фужера, который держит в правой руке, левой лениво лаская... нет, не пышные груди ослепительной вдовы-генеральши, еще не разменявшей полностью третий десяток лет, – покрытые гусиными пупырышками и отвислые, как уши спаниеля, бледные до синюшности, перси костлявой дочки соседского лавочника, вечного папашкиного конкурента Фурмеля...

Мюнше вздыхает, отгоняя наваждение. Сошла бы нынче и Лотта Фурмель. Но пока Отто сидит в злых и холодных русских лесах, Лотта, он уверен в этом, зря времени не теряет. В неимоверно далеком фатерланде охотников и до костлявой дочки старого Фурмеля полно.

Унтерштурмфюрер вновь, елозя креслом, отворачивается к окну и с ненавистью сверлит глазами серый прямоугольник апель-плаца. Пепел с еле тлеющей сигареты сыплется на китель, но Мюнше не замечает этого. Он ждет высокое начальство.

Глава 2. ЗАУКЕЛЬ

Медленно вернулось сознание, а с ним и разламывающая до тошноты всю черепную коробку боль. Человек шевельнулся на захрустевшем снегу. Или ему только показалось это? Рот наполнился солоноватой слизью. Человек через силу разжал стиснутые зубы, непослушным языком попытался вытолкнуть кровавые сгустки. Дышать стало легче. Открыть глаза получилось не сразу. В первое мгновение резанула ослепительная вспышка, помутившая и без того сумеречное сознание. Постепенно, через узенькие щелочки меж опухшими веками, в глазах прояснилось, их уже меньше резало от слепяще-яркого солнечного света. Стоял день. Солнечный. Необычный. Пугающе необычный. Тут же навалилась гулкая тревога, от которой заухало в груди. Но потом уха-нье сердца постепенно стало отступать и исчезло вовсе. Только голову разламывала боль, но вот и она притупилась до привычности. И лишь теперь человек смог осознать причину охватившей его гулкой тревоги. Вокруг стояла тишина. Большая и плотная тишина. В ней не было приближающегося лая широкогрудых стремительных овчарок с темно-ко-

ричевыми подпалинами на поджарых боках, в стандартных ошейниках. Овчарок, которые, казалось, уже настигали, и пена летела с черных бахромистых складок над ослепительно-белыми клыками...

Ослепительно-белым было всё окружающее пространство. Где-то очень далеко, у горизонта, его пересекала черная полоска, отделяющая белое от такого же ослепительного, бесконечного океана сини. Человек не сразу понял, что это – поле, за которым далекий лес, что бездонная синева – небо. Но почему, вопреки всем земным законам, поле, далекий черный лес, небо расположились необычно – вертикально?

Новый приступ тошноты, наполнивший рот горечью, помог сообразить: непреодолимая, отдающая гулками жаркими толчками боли в голову, сила прижала его тело, впечатала в белоснежную поверхность. Мир, конечно, по-прежнему горизонтален, а это он, беспомощный, неподвижный, – распластан, придавлен стопудовым грузом, вбит чудовищной тяжестью в бескрайний снежный простор. Но ничего страшного в этом нет. В услышанной, заполнившей весь мир тишине царит покой, убаюкивающий, обволакивающий неспешной дремой.

Взгляд с трудом сфокусировался на чем-то выбивающемся из этой общей картины бескрайнего покоя, более ближнем. Теперь пространство сузилось до размытой по краям багровым щели. Человек окончательно понял, что лежит на снежном насте, а на багровой полоске ставшего близким горизонта сидит какая-то пичуга... Снегирь! Блестит выпуклым глазом, яркая грудка еще ярче от ослепительной сахарности снежной поверхности.

Человек снова шевельнулся. И теперь уже окончательно убедился, что его движения происходят только мысленно: снегирь никак не среагировал. Черная гора, взрывшая снег у ольхи, снегирю была неопасна. Птица, конечно, поняла, что эта черная гора – тоже живое существо. Пока еще живое. Но опасности уже не представляющее. Черная гора сама нуждается в защите и помощи.

Снегирь деловито переступил с ноги на ногу и демонстративно клюнул уже порядком разлохмаченную им на снежной корке ольховую шишечку. Черная гора – человек его больше не интересовал.

А человек пытался удержать глаза на птице. Этого не получалось. Сознание куда-то ускользало, совершенно не слушая мысленного приказа не уходить, держаться, не опускаться на зыбкое, черное дно беспомыслия. И опять стало непонятно, как это так спокойно яркая пичуга разгуливает по вертикальной поверхности, бодро клюет что-то, а это что-то от ударов клюва не скатывается вниз, туда, куда стремительно, одновременно раскручиваясь, словно на карусели, падает мгновенно ставшее невесомым тело, куда проваливается все, – в черноту...

На пороге, как обычно, без стука вырос Лемке, с порога пролаял «хайль», вскинув руку в традиционном приветствии. Так и замер, сволочь, выжидая.

Мюнше нехотя отвернулся от окна, вылез из нагретого долгим сидением кресла и, потягиваясь, вяло ответил на приветствие, едва согнув правую руку в локте. Лениво, с привычной ненавистью подумал: «Лишнюю строку, рыло косое, в донос добавишь!». Уперся в красные, как у кролика, круглые глазенки шарфюрера. Тот, сразу же переведя взгляд поверх головы начальника на портрет имперского вождя, отчеканил:

– Герр унтерштурмфюрер, дежурному только что прошел звонок из отделения гестапо в Остбурге: к нам выехали гости.

Мюнше зевнул и, отогнув обшлаг кителя, глянул на наручные часы: 9.41. Значит, компания будет через час – час десять на месте. Что ж, время еще есть.

– А не выпить ли нам, дружище, кофе? – Мюнше изобразил на лице подобие улыбки, на которую Лемке откликнулся довольной ухмылкой заклятого приятеля.

– Только что хотел предложить это вам, герр комендант!

– Шутник! – Мюнше, криво усмехаясь, погрозил подчиненному пальцем. «Тварь гестаповская! Ждет, не дождется, когда эти чертовы «гости» начнут размазывать меня по стенам цорновского кабинета! Дерьмо! Всё дерьмо!..».

– А что, дружище, об упущенной четвертой русской свинье никаких новых известий?

Ослабившийся было шарфюрер – как подавился. Круглая физиономия побагровела, от чего кроличьи красные глазки совершенно на ней потерялись. «А что, неплохо! – подумалось Мюнше. – За побег ответит командир роты охраны, а за некачественные поиски в лесу – вот этот вонючий лис!». Унтерштурмфюреру стало смешно, он еле удержал лицо от соответствующей гримасы – чего эту тварину еще больше злить...

– Никак нет, герр унтер...

– Ладно, ладно, дружище. Будем готовиться к приему начальственных пинков и подзатыльников, – с покровительственной бодростью произнес Мюнше. – А пока выпьем кофе... Как обычно, в канцелярии?

– Так точно! Фройляйн Анна...

«Фройляйн!.. Аристократ лагерный! Сейчас будет хлебать из кружки эрзац-бурду и раздевать глазами эту самую «фройляйн» Анну – вульгарную, вечно размалеванную без всякой меры девицу, невесть какими ветрами занесенную в лагерную администрацию... Впрочем, ветра из-

вестные – подарочек гауптштурмфюрера Ренике, шефа местного гестапо. Откопала же, гнида гестаповская, для себя фольксдойче в Остбурге! Фольксдойче... Унтерменше! А как надоела подстилка – сбавил сюда, в лагерь. Стучат с Лемке наперегонки, твари!»

Мюнше снова стало смешно от своего «праведного» гнева. Когда эта самая Анна появилась, потупив взор, в его кабинете, с направлением из бургомистра и рекомендациями местного отделения гестапо, а проверочные материалы на нее из инспекции лагерей и от уполномоченного службы безопасности – СД, пришли еще раньше, – Отто и сам, без больших усилий, вскоре затащил ее в постель. Новая работница канцелярии оказалась весьма покладистой и безотказной. Ее любвеобильности хватало и Мюнше, и Лемке, а вот комендант, толстячок Цорн, как-то ее игнорировал. «Странно, – вдруг подумалось, Отто, – а почему, действительно, наш толстячок самоустранился?..»

Наморщив лоб, Мюнше бросил взгляд в спину исчезающему за дверями Лемке, снова потянулся и двинул затекшее тело к громоздкому шкафу, набитому до отказа кипами бумажных папок с тряпичными тесемками. Выудил из-под лежащей сверху на шкафу каски платяную щетку, несколько раз пошоркал ею по обсыпанному пеплом черному мундиру.

...Кофе, конечно же, оказался набившей оскомину бурдой, крепко отдающей желудями. Отто с тоской вспомнил ароматный довоенный напиток, иногда появлявшийся в отцовской лавчонке. Хо, как это было давно! Потом застучали барабаны, потом фюрер бросил устами своего колченогого министра пропаганды клич-лозунг: «Пушки вместо масла!», а с маслом пропали и кофе, и многие другие вкусные вещички. Последний раз любимым душистым напитком Отто по-настоящему наслаждался в Париже... С тоской вспомнился настоящий бразильский «мокко», которого в поверженной столице у чернявых галльских обезьян оказалось столько, словно на Елисейских полях и в подстриженном с чисто французской легкомысленностью Булонском лесу шелестели листвой не каштаны и раскидистые платаны, а кофейные деревья. Париж... В какой жизни это было? И было ли вообще? На остбургской толкучке Мюнше месяца полтора назад реквизировал пакет с кофейными зёрнами у перепуганной старушенции, но от сокровища ощутимо наносило прелью...

За окном канцелярии серел тот же самый плац, отделенный широкой нейтральной полосой и высоким проволочным забором с фаянсовыми шпильками электроизоляторов. А вот тархтение дизель-генератора, обеспечивающего освещение и высокое напряжение в проволочном заборе, здесь слышалось куда более отчетливо.

Жрет, прорва железная, дефицитное дизтопливо! И ведь, по сути – напрасно. Стоило на четверть часа генератору задохнуться... Как же об этом пронюхали доходяги в бараке? Спросить не у кого. Пришлось в заключении проведенного расследования свести все к досадному совпадению. Дебильно и неуклюже, но иначе вывод напрашивается крайне неутешительный, если не сказать более определенно. Благо, всех прежде причастных к обслуживанию дизель-генератора русских свиней уже жрут черви! Хотя... Никто их не жрет! Валяются заледенелыми колодами в траншее за хоздвором лагеря... Вот, кстати! Вернет-ся из госпиталя Цорн, надо срочно решать вопрос с оборудованием реторты крематория. Чтобы с наступлением тепла не расползалась зараза. Тепло... А оно, черт побери, будет в этой дикой, варварской стране? Наступит ли когда...

Мюнше снова пробрало ознобом, который отступил было после чашки эрзац-кофе. Унтерштурмфюрер вновь с тоской глянул за окно. Дьявол бы побрал эти русские морозы, эти почерневшие от долгих осенних дождей приземистые, словно ежедневно погружающиеся в земную твердь щелястые бараки, эти раскоряченно упершиеся в периметр лагеря караульные вышки из соснового теса, нависшие над рядами местами уже прихваченной ржавчиной колючей проволоки! Но главное – эта страшная, серая, безликая, колыхающаяся жуткими волнами свинцовой ненависти масса недочеловеков, славянского сброда. Жуткая, пугающая его, Мюнше, масса. Его, сильного, здорового, вооруженного, никогда не выходящего в зону без сопровождения полувзвода охранников, готовых в любой момент пустить в дело безотказные автоматы и беспощадных стремительных овчарок. И ничего не может Отто Мюнше поделать с этим страхом. Ни днем, ни ночью. Ни под парами шнапса, ни в объятьях податливой «фройляйн» Анны.

И сейчас, стоя на невысоком крыльце штаба, под защитой четырех тупорылых МГ, торчащих с близлежащих вышек в сторону зловещих барачков, унтерштурмфюрер Отто Мюнше не чувствовал себя в безопасности. Он непроизвольно то и дело напрягал живот, ощущая приятную тяжесть висящей на ремне черной кобуры. Но, нет, ни шнапс, ни удовлетворение похоти с ненасытной фольксдойче Анной, ни эта приятная тяжесть слева на животе – всё это не то... Настоящее наслаждение Отто получал лишь тогда, когда нажимал на спусковой крючок, стараясь попасть жертве в лицо, в раскрытый рот. Как тогда, под Смоленском. Когда ему удалось опередить страшного русского, набегающего на его танк с жутким «коктейлем Молотова» в стеклянной бутылке...

Яркое солнце делало еще более ослепительным снежный покров. Две волны высоких, девственно-белых сугробов ограждали кюветы по обеим обочинам дороги, которая упиралась в ворота, крепко собранные из железнодорожных шпал толстыми коваными скобами.

Вдалеке, за черным ельником, послышались ровное гудение автомобильного мотора и треск мотоциклетных. Через пару минут из-за хвойной молодежи вынырнул мотоцикл с нахохлившимися от мороза солдатами, потом показался широкий, закамуфлированный грязно-белыми разводами «майбах», за которым катил еще один мотоцикл сопровождения с тремя фигурами в куржаке.

Охрана у ворот подтянулась. Мюнше чуть сдвинул кобуру влево и, тяжело вздохнув, шагнул с крыльца навстречу распаивающимся воротам. Злобно за спиной залаяла собака, ей откликнулась другая, на них зацыкали вожатые. Мощный, тяжелый «майбах» вполз в ворота и остановился. Выскочивший водитель-ефрейтор в кургузом мышастом мундирчике, трещавшем на его крепко сбитой, борцовой фигуре, подбостранно распахнул широкую заднюю дверцу машины справа.

Первым из «майбаха» показался худощавый оберст в длиннополой дорогого темного сукна шинели с большим меховым воротником. Худое и морщинистое, до синевы выбритое лицо недобро блеснуло на Мюнше моноклем. Тут же распахнулась правая передняя дверца, и на свет показался, поводя плечами, поджарый, похожий на гончую и лицом и фигурой, гауптштурмфюрер Ренике. Начальник остбургского гестапо, как всегда, был туго затянут ремнем с португеей в стоящее колом, блестящее кожаное пальто глубокого антрацитового цвета.

Водянистые и неподвижные, словно рыбы, глаза Ренике разом охватили пустынную площадку перед административным баракком, скользнули по застывшим у крыльца штаба солдатам, по настороженным псам, предусмотрительно взятым охранниками на короткий поводок. И тут же взгляд Ренике уперся свинцом в изобразившего строевой шаг Мюнше.

Отто припечатал последний шаг в трех метрах от оберста:

– Хайль Гитлер! Господин полковник! Унтерштурмфюрер Мюнше. Исполняю обязанности коменданта лагеря Цэ-восемьсот пятнадцать...

– Отвратительно исполняете! – оборвал рапорт гауптштурмфюрер Ренике. – В лагере чэпэ, а вы, Мюнше, корчите из себя строевика! Заплыли жиром от безделья! Восточный фронт по вам давно плачет...

«Какая сука! – подумал Мюнше. – Во время рапорта старшему по званию! А... Не такая уж это и фигура из абверовского штаба... Ренике, конечно, хам и наглец, но не до такой степени. Хоть и законченная сука!..»

Это была демоверсия книги - Петров О.Г. Снегири на снегу: повесть

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34